

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-65-78>

ЮБИЛЕИ РУБЕЖА XIX – XX ВВ. И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ

**Владимир Викентьевич
Лапин**^{1,2}

¹ Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия

² Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, lapin.ww@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6231-1977>

Аннотация. Анализ историографии вооруженных сил дореволюционной России свидетельствует о том, что вопрос о политической культуре офицерского корпуса второй половины XIX – начала XX вв. остается дискуссионным. Сохраняет свои позиции представление об аполитичности командного состава царской армии, несмотря на ряд исследований, обоснованно опровергающих такое мнение. В статье рассматривается вовлеченность офицеров в коммеморативные практики, получившие широкое распространение на рубеже XIX – XX вв. в рамках празднования многочисленных юбилеев. Поскольку политические взгляды отражаются не только в прямых оценках текущих событий, целесообразно рассмотрение связи между представлениями о прошлом и о настоящем. Офицеры составляли важную часть социального слоя, который принято называть обществом, находились в общей информационной и культурной атмосфере. При создании политических конструкций используется историческая аргументация в различных формах, сам выбор ретроспективной информации многое говорит о политической ориентации.

Военнослужащие активно участвовали в подготовке и проведении юбилеев 1890 – 1910-х гг., особое место среди которых заняли мероприятия, посвященные 100-летию Отечественной войны 1812 года. Несколько томов материалов (рапорты воинских начальников, газетные вырезки), собранных генералом Ф. Я. Ростковским о торжествах, имевших общегосударственный характер, свидетельствуют о большой вовлеченности офицеров и нижних чинов в празднества.

Участие в отмечании знаменательных годовщин стимулировало проявление интереса к истории в личном и корпоративном формате. Отдельные персоны и воинские коллективы (полки) оценили высокую символическую ценность своей причастности к великим историческим событиям и приняли активное участие в возведении памятников и других коммеморативных акциях. Подобная активность являлась хорошей школой для политического образования.

Ключевые слова: армия России начала XX века, политика, историческая память, юбилеи.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

Для цитирования: Лапин В. В. Юбилеи рубежа XIX – XX вв. и вооруженные силы России // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 65–78. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-65-78>

Сведения об авторе: В. В. Лапин – доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 1; исполнитель по гранту, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-65-78>

ANNIVERSARIES OF THE 19TH – 20TH CENTURIES TURN AND THE RUSSIAN ARMED FORCES

Vladimir V. Lapin^{1, 2}

¹ European University at St. Petersburg
St. Petersburg, Russia

² Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, lapin.vv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6231-1977>

Abstract. An analysis of the pre-revolutionary Russia armed forces historiography shows that the issue of the officer corps political culture in the second half of the 19th – early 20th centuries remain controversial. The idea about the political apathy of the command staff of the tsarist army retains its positions, despite a number of studies that reasonably refute this opinion. The article examines the involvement of officers in commemorative practices that became widespread at the turn of the 19th and 20th centuries as part of the celebration of numerous anniversaries. Since political views are reflected not only in direct assessments of current events, it is appropriate to consider the connection between ideas about the past and the present. Officers formed an important part of the social stratum commonly called society, were in a common informational and cultural atmosphere. Historical argumentation in various forms is used when creating political constructs; the very choice of retrospective information says a lot about political orientation.

The servicemen actively participated in the preparation and holding of the anniversaries of 1890 – 1910s, among which the events dedicated to the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 took a special place. Several volumes of materials (reports of military commanders, newspaper clippings) collected by General F. Ya. Rostkovsky on celebrations that had a nationwide character testify to the great involvement of officers and lower ranks in the festivities.

Participation in the celebration of significant anniversaries stimulated interest in history in personal and corporate formats. Individuals and military units (regiments) appreciated the high symbolic value of their involvement in great historical events and took an active part in the construction of monuments and other commemorative actions. Such activity was a good school for political education.

Keywords: the Russian Army of the early 20th century, politics, historical memory, anniversaries.

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23- 28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

For citation: Lapin, VV 2024, 'Anniversaries of the 19th – 20th Centuries Turn and the Russian Armed Forces', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 65–78, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-65-78> (in Russ.)

Information about the Author: *Vladimir V. Lapin* – Doctor of Sciences (History), Professor, European University at St. Petersburg, 1, Spalernaya Str., St. Petersburg, 191187, Russia; Contractor for the Grant, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

В отечественной историографии при изучении «состояния умов» вооруженных сил Российской империи в конце XIX – начала XX вв. сложилось мнение об аполитичности офицерства и генералитета, о решительном преобладании монархических взглядов в военной среде. Это мнение опирается на авторитет таких специалистов как Л. Г. Бескровный, П. А. Зайончковский, В. Д. Поликарпов, которых не смущал тот факт, что более пятидесяти тысяч офицеров разных рангов, оказавшиеся в Петрограде и его окрестностях в 1917 г. не выступили в защиту царя и Временного правительства, нарушив тем самым данную присягу [5; 6; 20; 21; 34]. В постсоветский период такая точка зрения, установившаяся в 1950 – 1970 гг., не подверглась радикальной ревизии, несмотря на активное и плодотворное изучение командного состава императорской армии и императорского флота [11, с. 467; 12; 39, с. 71–87].

Успешной попыткой по-новому взглянуть на политическую культуру российского офицерства в период между Русско-японской и Первой мировой войнами можно считать исследование А. Ю. Фомина «Российское офицерство и публичная политика: политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати (1906 – 1914 гг.)». Изучение военной периодики указанного периода (с фокусировкой внимания на газету «Военный голос»), а также рассмотрение публицистической и общественной деятельности весьма представительной группы генералов и офицеров позволило сделать новаторские выводы. По мнению Фомина в командном составе вооруженных сил России «...на месте прямолинейного, выравниваемого по единому образцу, цементируемого воинской дисциплиной консерватизма, о котором пишут многие историки, на деле существовало многообразие политических взглядов и настроений, характерное для общества в целом» [44].

Фомин обращается к высказываниям военнослужащих о современной им политической обстановке, к их реакции на деятельность администрации и Государственной думы. Но общественная позиция отражается не только в прямых высказываниях о текущих событиях, в публичных осуждениях или одобрениях поступков властных лиц. Нельзя отрицать корреляцию между представлениями о прошлом и оценками настоящего. В этой связи продуктивным выглядит рассмотрение того, какой видели отечественную историю люди в военных мундирах.

Командный состав армии и флота формировался из людей, получивших специальные навыки и знания в военно-учебных заведениях или «в строю», т. е. во время прохождения службы юнкером. Но и в последнем случае для производства в обер-офицерский чин обязательным этапом являлись экзамены по программе военного училища. Уровень образования сильно различался в зависимости от жизненных обстоятельств: в армию попадали как полуграмотные дворянские недоросли, так и те, кто мог читать иностранные газеты и даже античных авторов без перевода. Но, несмотря на очевидную разницу в культуре, не вызывает сомнения то, что и младшие и старшие офицеры принадлежали к тому слою населения, где чтение книг, журналов и газет являлось повседневностью. Во всех губерниях Российской империи офицеры составляли важную часть социальной группы, которую по установившейся традиции называют обществом. Поэтому они неизбежно оказывались в общем потоке информации, интересов и настроений «образованных людей». Воинские части, расквартированные как в столицах, так и в провинциальных центрах, играли важную роль в культурной жизни этих городов [27, с. 91; 17]. Ограничения, которые существовали для допуска в офицерские собрания даже «приличной публики», не создавали непреодолимые барьеры между военными и штатскими [41, с. 36–40].

Политические конструкции практически невозможно представить без исторической аргументации, без ссылок на авторитетные мнения знаменитостей разных эпох, без указания на успешные и катастрофические по своим последствиям действия властей, на опыт в различных сферах, накопленный в течение далеких веков и

ближних десятилетий. Интерпретация сведений, почерпнутых из исторических источников, разделение событий на важные и второстепенные, формирование списка «великих людей» и прочие действия для составления картины прошлого в огромной степени определялись и определяются политическими пристрастиями.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Россия переживала период повышения интереса к своей истории в значительной степени потому, что таковая стала важным символическим ресурсом. Одним из самых ярких признаков этого явления стали многочисленные юбилеи разного характера и масштаба. «Сегодня первый акт гусарского праздника в Царском Селе по случаю 50-летнего гусарства государя императора¹. У нас завелся юбилейный недуг. Ко всему привязываются, чтобы отпраздновать...», записывал министр внутренних дел П. А. Валуев в своем дневнике 22 апреля 1868 г. [8, с. 266] Столетие со дня смерти М. В. Ломоносова в 1865 было использовано представителями различных политических течений как площадка демонстрации своих взглядов. Пик такого рода торжеств пришелся на полтора десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне. Страну охватила настоящая «юбилейная лихорадка» [45, с. 42–43].

С участием царской фамилии и органов власти всех уровней, с привлечением сотен тысяч участников праздновались годовщины великих побед (1905 г. – пятидесятилетие обороны Севастополя в 1854 – 1855 гг.; 1909 г. – двухсотлетие Полтавской битвы; 1912 г. – столетие Отечественной войны 1812 г.). Менее пышно вспоминали виктории регионального характера (1909 г. – пятидесятилетие покорения Чечни и Дагестана, 1910 г. – двухсотлетие взятия Выборга). Города не упускали возможность отпраздновать годовщины своего основания, административные структуры и учебные заведения – своего учреждения (100-летие Военного министерства, 200-летие Санкт-Петербурга). Каждый юбилей реформ Александра II сопровождался борьбой либералов и консерваторов, с конфликтующих позиций оценивавших преобразования 1860 – 1870-х гг. Даты рождения и смерти людей, заслуживших своей деятельностью месса в энциклопедических справочника, также оказались во многих случаях удобными поводами для демонстрации общественной позиции (1899 – 100-летие рождения А. С. Пушкина, 100-летие смерти А. В. Суворова).

Участие армии, гвардии флота в празднествах такого рода объясняется уже тем, что парад являлся обязательной частью праздничной церемонии, если, разумеется, событию придавалось государственное значение. В особо торжественных случаях производился салют и (или) устраивался фейерверк, подготовка которого оказывалась немислимой без артиллеристов.

О включенности военных в общественную жизнь свидетельствуют списки различных добровольных организаций, состоящих из персон, объединенных общими интересами к археологии, электротехнике, географии, энтомологии и т. д. В них состояло значительное число офицеров и генералов. Созданное в 1907 г. Императорское Русское военно-историческое общество (ИРВИО) за десять лет своего существования приложило огромные усилия для формирования исторических представлений не только у тех, кто носил погоны. В этой организации на 1 января 1912 г. состояло более 300 одних только генералов (около трети чинов такого ранга) [7, с. 44]. Именно представители ИРВИО играли ведущие роли в комиссиях, занимавшихся организацией многочисленных юбилеев начала XX столетия (выбор исторических событий, их ранжирование по значимости, составление сценариев торжеств и списков персонажей, достаиваемых «особого поминания») [26, с. 6–7, 12].

Такого рода деятельность никак не могла оказаться «вне политики», тем более что празднования знаменательных годовщин сопровождалась битвами между представителями различных партий, которые старались использовать общественный интерес к событиям прошлого для пропаганды своих программ [24]. Бесспорным вы-

глядит тезис о том, что «В воспоминаниях о былых ратных успехах и великих победах общество искало утешения и новых ориентиров, а государственная власть после революции 1905 – 1907 гг. – новых способов легитимации» [46, с. 99].

Особое место среди юбилеев заняло столетие Отечественной войны 1812 г., которому придавался характер события общегосударственного масштаба. За шесть месяцев до празднования генерал от инфантерии Ф. Я. Ростковский по согласованию с Военным министерством направил командирам бригад местных войск и уездным воинским начальникам от Польши до Приморского края предписание о представлении рапорта о юбилейных мероприятиях [31, л. 55]. Результатом стало собрание из десяти томов с описаниями торжеств, восемь томов вырезок из газет за 1912 г. и три тома указателей. Периодические издания отражали весь спектр политических течений России: официоз Военного ведомства «Русский инвалид», ультрамонархическая «Земщина» (печатный орган «Союза русского народа»), кадетская «Речь», рупор московских торгово-промышленных кругов (партии прогрессистов) «Утро России». Кроме того, учитывалось мнение «всеядного» и очень популярного «Нового времени», умеренно-либеральных «Биржевых ведомостей», умеренно-правого «Вечернего времени», реакционно-охранительных «Московских ведомостей», сторонника левых политических течений «Русского слова» и еще нескольких газет Москвы и Санкт-Петербурга («Голос Москвы», «Московский листок», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Россия», «Русское чтение»). Кроме того, большое число вырезок статей из провинциальных газет содержится в виде приложений к рапортам начальников местных команд.

Заслуживает особого внимания тот факт, что материалы для анализа вовлеченности солдат и офицеров в коммеморативные акции собирали не досужие обыватели, а лица, находящиеся на государственной службе. Сотрудники, помогавшие генералу Ростковскому, знакомились с содержанием газет различной политической ориентации.

Празднование столетия Отечественной войны 1812 г. использовалось для военно-патриотического воспитания в казенно-монархическом духе. То, что происходило в юбилейные дни в городе Пружаны Гродненской губернии можно считать типичным для российской провинции. Для ознакомления нижних чинов местной воинской команды с историей «великой години» им были розданы т.н. «разрешенные издания», в список которых входили брошюры «Двенадцатый год» Д. И. Троицкого; «Школьный праздник в память славных подвигов родных героев 1812 года» К. Лукашевич. Офицеры провели восемь «чтений для всей команды нижних чинов с разбором наиболее выдающихся эпизодов войны», причем в этих чтениях были представлены биографические очерки Александра I, императора Наполеона и главнейших военных полководцев Русской армии (Кутузова, Барклая-де Толли, Багратиона, Витгенштейна, Раевского, Тучкова и др.). «Прочитанные статьи и очерки были, кроме того, демонстрированы световыми картинками при помощи волшебного фонаря. Таким образом, ко дню самого празднования нижние чины управления и конвойной команды могли составить себе вполне определенное понятие как о причинах для начала войны, ее развития, окончательном ее фазисе и об ее последствиях».

25 августа утром была совершена панихида. Вход в помещение команды украсили аркой с венками из живых цветов и с портретами Александра I, Николая II, императрицы Александры Федоровны, Кутузова и Барклая де Толли. Под портретами помещалось изображение медали в память Отечественной войны с надписью: «Мы все в одну сольемся душу за Веру, Царя и Отечество». Такую же арку установили на центральной площади города, где весь местный гарнизон утром 26 августа совершил молебен, по окончании которого соборный хор и оркестр пожар-

ной команды несколько раз исполнили «Боже царя храни» и «Коль славен». Согласно рапорту «...довольствие нижних чинов было усиленное – обед состоял из рассольника, котлет с картофелем, киселя, яблок и груш; на ужин был сварен плов из баранины, чай и кофе. Вечером с наступлением сумерек, вход в управление и устроенная арка были освещены лампами и свечами, а прилегающая к управлению улица была иллюминирована развешанными на проволоках разноцветными фонарями».

Вечером в казармах конвойной команды прошел концерт: чтение «патриотических» стихов, пьесы «Пожар Москвы» и «Отставной солдат», аллегорическая пантомима «Слава России» [30, л. 73–76].

К рапортам о праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. в различных гарнизонах приложено несколько десятков текстов, где излагались выступления офицеров перед личным составом. Они представляли так называемую «официальную» точку зрения на войну с Наполеоном и различаются разве что степенью адаптации материала к уровню знаний нижних чинов (разного рода пояснения, исключения малоизвестных имен и географических названий). Своего рода образцовым является документ с таким названием: «Слово, сказанное 26 августа 1912 года Лаишевским уездным воинским начальником (совр. – Лаишево) перед парадом воинских команд, полицейских стражников, потешных городского училища и в присутствии всех приходских школ и многочисленной публики». Целью похода французов названо «намерение покорить Россию», но «Бог судил иначе», а отвага войск и единство сословий позволил добиться победы. При упоминании ополчений и партизан акцент ставился на «собственном почине» народа, на то, что крестьянские дружины руководились «своими старостами или старшинами» [30, л. 301–302]. Есть основания утверждать: для военных «народническое» видение партизанского движения 1812 г. было самым предпочтительным.

Участие в Отечественной войне 1812 г., тем более – под руководством известных военачальников, считалось самым важным эпизодом в истории воинской части. Поэтому в течение всего XIX в. полки различными способами указывали на свою связь с великой победой. 6 декабря 1897 г. в день полкового праздника возле городка Августова в Сувалкской губернии, где был расквартирован 104-й пехотный Устюжский полк, появился бронзовый бюст П. И. Багратиона, который некоторое время был шефом этой части. В Ямбурге (Петербургская губерния) в 1841 г. установили памятник бывшему начальнику Гвардейского корпуса К. И. Бистрому, успешно руководившему войсками в 1812 – 1813 гг. В 1893 г. Гродненский и Клястицкий гусарский полки «возобновили» памятник в церкви на могиле своего бывшего шефа генерал-майора Я. П. Кульнева, погибшего в бою под Клястицами 20 июля 1812 г. Лейб-гвардии Егерский полк заказал для офицерского собрания сыну известного живописца И. И. Репина Ю. И. Репину полотно «Бородинский бой», сюжет которого сражение на мосту через реку Колочу ранним утром 26 августа [22]. 2 августа 1912 г. командир 56-го пехотного Житомирского полка И. И. Попов просил председателя комитета по подготовке юбилея Бородинского сражения В. Ф. Глазова выделить для музея части некоторое количество находок, сделанных на местах боев с французами [10, л. 18].

В юбилейных мемориальных акциях переплетались корпоративные и семейные интересы. В Смоленске в Лопатинском саду в 1912 был установлен 4-метровый обелиск из серого гранита, увенчанный крестом в память о генерал-майоре А. А. Скалоне, убитом в августе 1812 г. в бою с французами. На бронзовых досках, вмурованных в постамент, указывалось, что памятник установлен его внуками, генералами Г. А. Скалоном и Г. А. Скалоном и чинами Иркутского драгунского полка, которым командовал этот герой 1812 г. [3, с. 308]. В Верее 29 сентября 1912 г. состо-

ялась закладка памятника генералу И. С. Дорохову, освободившему этот город на Смоленщине от французов. Проект составил подполковник Сумского гусарского полка А. О. Рахманинов. Все расходы составили пожертвования офицеров Сумского и Изюмского гусарского полка, о чем гласила соответствующая надпись на постаменте. Открытие монумента предполагалось весной 1913 г. [3, с. 319]. В Орле на памятнике на могиле генерал-адъютанта Ф. К. Корфа указывалось, что монумент появился благодаря усилиям генералов, штаб- и обер-офицеров Резервного кавалерийского корпуса, которым он командовал в 1812 г.

В Москве в порядок были приведены погребения других участников войны – Р. А. Чичагова, П. Н. Токмакова, ротмистра гусарского полка М. И. Готовцева, генерал-майора С. Е. Иванова 3-го, капитана 2-го ранга П. Б. Головачева, графа П. И. Палена, генерал-майора Б. А. Асланбегова [29]. В Елабуге офицеры 14-го Драгунского Литовского полка реставрировали могильный обелиск знаменитой «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой, служившей в 1812 г. под фамилией Александров в их части [38].

В 1911 – 1913 гг. на поле, где происходила Бородинская битва, было установлено 34 памятника. Финансовые возможности создателей монументов и организационные обстоятельства привели к тому, что на мемориальном пространстве соседствовали памятники как отдельным частям, так и соединениям (на уровне дивизий и корпусов). Обращает на себя внимание то, что в этом списке гвардейцы, обладавшие большими возможностями, заметно преобладают над армейцами. Два отдельных знака было поставлено инженерным войскам и полевой конной артиллерии. Автор под псевдонимом «Русс» писал об этой стороне коммеморации 1912 г.: «Надо положительно удивляться энергии войсковых частей, соорудивших эти памятники в необычно короткий срок [...] Памятники в общем не поражают своей оригинальностью; видно, что большинство из них вышло из одной мастерской надгробных памятников; некоторые даже прямо некрасивы; больше всего нам понравился памятник 3-й дивизии (Коновницынской) в ограде монастыря, против Тучковой церкви... Затем очень просты, но изящны – серые, небольшие полированные колонки с золотыми флангами гвардейских конных батарей. [...]» [36].

Но в восторге от массы этих сооружений были далеко не все. Известный тогда художник В. В. Мазуровский в беседе с корреспондентом «Петербургской газеты» заявил следующее: «Бородинскому полю суждено покрыться лесом памятников, по существу своему мизерных, не отвечающих ни величине события, ни чувствам. Получается нечто невообразимое до абсурда [...] Будет очень прискорбно, если Бородинское поле усеется какими-то тумбочками и крестами. Должна быть разница между кладбищем и полем сражения, тем более таким грандиозным, как Бородинское». Он сослался на неудачный опыт «обустройства» поля Полтавской битвы, где места расположения войск оказались обозначенными какими-то «кочками». Мазуровский предложил последовать примеру немцев и поставить один грандиозный монумент, подобный тому, какой возводился в Лейпциге к юбилею «Битвы народов» [1].

Памятник гвардейским егерям и Морскому гвардейскому экипажу создавался по проекту Н. Альберти – бывшего офицера Несвижского полка «при деятельном участии председателя по постройке памятника Несвижского полка подполковника Волкова [3, с. 352]. Проект памятника 7-й пехотной дивизии также составил не профессиональный архитектор – штабс-капитан 11-го пехотного Псковского полка А. В. Дроздовский [3, с. 354]. Автор обзора бородинских монументов свидетельствует, что этот офицер признавался, что приземистая широкая башня в русском стиле символизирует защиту народа, «а не одной только власти», что она является «пол-

ной противоположностью узких башен феодальных замков, охранявших лишь одно лицо» [3, с. 353].

Последняя треть XIX – начало XX вв. – время массового написания полковых историй, что было проявлением корпоративного сознания в военной среде. По мнению британского историка Д. Ливена это сознание имело большое значение для укрепления боевого духа офицеров русской армии в эпоху Наполеоновских войн [25, с. 169]. Не может возникнуть сомнений в том, что армия и флот, имея скрупулезно разработанную нормативную базу своей деятельности в мирное и в военное время, на практике нередко пользовались правилами «освященными традициями», т.е. не закрепленными в уставах и должностных инструкциях. С учетом этого обстоятельства трудно предполагать некую монолитность в представлениях о мире в головах всех военнослужащих.

Именно такие неформальные нормы являются непременным свойством корпоративного поведения, поскольку предполагают наличие консенсуса всех членов коллектива. Во всех сообществах осознаваемое и соответствующим образом формируемое прошлое является важнейшим соединяющим механизмом.

Сам вид Бородинского поля после 1912 г. наталкивает на мысль, что это – демонстрация (во многом неосознанная) неприятия какого-то единства памяти о великой битве и вообще о «Великой године», как стали называть эпопею борьбы с наполеоновским нашествием. В целом торжества, связанные со столетней годовщиной Отечественной войны 1812 г., показали тенденцию к поиску и представлению собственной роли, собственного участия в эпохальных событиях. Другими словами, воинские части заявили о себе как о самостоятельных акторах, не следующих слепо по указаниям, исходящим от правительства и высшего командования.

Заметным явлением в сфере отечественной военной субкультуры второй половины XIX – XX вв. стало появление полковых историй. К 1917 г. полковая историография составляла около 700 изданий, причем около трети книг были посвящены частям гвардейского корпуса [4, с. 88]. Исследователи обращали внимание на связь написания полковых историй и создания полковых музеев [13, с. IV; 14; 15]. «Юбилеям» второй половины XIX – начала XX вв. проявилась в том, что написание подавляющего большинства полковых историй увязывалось с годовщинами формирования части. Чаще всего это находило отражение или в названии книги [2; 16; 47], или в соответствующих строках введения или заключения [35, с. II; 37, с. 3], или в совпадении издания с круглой годовщиной формирования воинской части [40; 43].

Как известно, военная среда была очень чувствительна к «немецкому» вопросу, т.е. к так называемому «засилью» генералов германского происхождения. В полковых историях, приуроченных к юбилеям воинских частей, при описании эпохи императрицы Анны Иоанновны заметны пассажи славянофильского характера. Н. С. Пестриков, описывая участие однополчан в восстании декабристов, фактически продолжал линию либеральной историографии, поскольку автор старался уклониться от обвинения их в «злодействе» [32].

В 1902 – 1903 гг. по России прокатилась волна мемориальных акций, связанных с 25-летием Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. С. А. Кочуков в своей монографии справедливо отметил, что на страницах полковых историй рассказы о действиях части в боях за освобождение Болгарии заметно «стремление доказать, что русская армия и флот в войне 1877 – 1878 гг. являлись совершенно иными, нежели в Крымскую кампанию» [23, с. 11–12]. Следствием такого стремления было представление либеральной эпохи Александра II основой для повышения боеспособности вооруженных сил. В ряде полковых историй заметны попытки встроить боевые действия 1877 – 1878 гг. в широкий политический контекст, представляя воинов русской армии борцами за освобождение братьев-славян [19; 28]. В полковых историях встречаются ответы на выпады политических противников. Автор истории гвардей-

ских улан даже вступил в заочную полемику с австрийскими журналистами, которые писали о жестокости русских войск [42, с. 122–123].

Также на рубеже XIX – XX вв. стали активно «припоминать» войны наполеоновской Франции и российское участие в них (кампании 1798 – 1799 гг. в Италии и Швейцарии) в связи с их столетним юбилеем. Не обошлось без внимания к артиллеристам, сыгравшим большую роль на полях сражений, и к заметной фигуре – генералу А. А. Аракчееву. Для подавляющего большинства историков этот военный и государственный деятель – безусловный антигерой. Однако артиллеристы фокусировали внимание на его заслугах перед русской армией [33, с. 237–239; 9, с. 473–474]. Здесь речь идет о таком важном элементе политической культуры как плюрализм. Офицеры авторы полковых историй и других «военных» текстов, скорее всего, не рефлексируя по поводу этого понятия (или даже не догадываясь о таковом) демонстрировали готовность к существованию различных мнений.

Процесс увеличения интереса к прошлому в последней трети XIX в. сопровождался повышением возможностей удовлетворения этого интереса (выпуск научной и популярной литературы, огромный успех специальных исторических журналов, открытие музеев и т. д.). В этот же период после реформы воинской повинности в 1874 г. стало постепенно уменьшаться противостояние военных и гражданских. В преддверии столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. появились организации для патриотического воспитания детей и молодежи, которых в память о юных соратниках Петра Великого стали называть «потешными». Офицеры увидели в этом явлении важный знак сближения общества и армии. «От потешных мы не ждем развития милитаризма, хотя в этом за нами и есть большой грех, но это грех первородный и он, надо надеяться, исчезнет, когда граждане полюбят свою армию, когда они поймут, что служба в вооруженных рядах не есть несчастье, а священная обязанность, долг перед родиной... Потешные это – посредники между семьей и армией, это парламентарии мира от долго воевавших сторон. Их миссия священная и безусловно национальная» [18, с. 104].

Вовлеченность офицеров и генералов в юбилейные торжества второй половины XIX – начала XX вв., протекавшая в различных формах, соответствовала по своей активности тому, что наблюдалось в других слоях российского «образованного общества». Подавляющее большинство сведений о политизации военнослужащих носят косвенный характер, поскольку не удалось обнаружить прямых высказываний о том, что раздумья о характере Отечественной войны 1812 г. или о роли Полтавской битвы заставили некоего штабс-капитана или контр-адмирала изменить свои политические взгляды (или осмыслить таковые). Тем не менее, активное участие в процессе коммеморации не могло не способствовать тому, что верхушка вооруженных сил имперской России не представляла собой нечто монолитное в политическом отношении.

Примечания

1. Имеется в виду назначение великого князя Александра Николаевича почетным шефом лейб-гвардии Гусарского полка вскоре после рождения в 1818 г.

Список источников и литературы

1. 120 памятников на Бородинском поле. (Беседа с художником В. В. Мазуровским) // Петербургская газета. 1912. 5 марта. (№ 63).
2. Андреев С. Н. 3-я конно-артиллерийская бригада. Памятка к столетнему юбилею. СПб.: тип. т-ва А. С. Суворина - «Новое время», 1913. 54 с.

3. *Ашик В. А.* Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I: снимки памятников, медалей и гравюр. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1913. XII, 393 с.
4. *Беловинский Л. В.* Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88–90.
5. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 240 с.
6. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
7. *Бориснев С. В.* Деятельность императорского русского военно-исторического общества в 1907 – 1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 43–47.
8. *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел : в 2 т. Т. 2: 1865–1876 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 586 с.
9. Военный энциклопедический лексикон издаваемый обществом военных и литераторов. 2-е изд. Т. 1. СПб.: тип. Штаба воен. учеб. заведений, 1857. 718 с.
10. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 826. Оп. 1. Д. 151.
11. *Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914 – 1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 527 с.
12. *Гребенкин И. Н.* Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3. С. 220–228.
13. *Григорович А. И.* Перечень историй и памяток войсковых частей. Ч. 1: Гвардейский корпус, гренадерские, пехотные и стрелковые части, драгунские, уланские, гусарские и казачьи полки. Изд. 2-е, доп. СПб.: Первая Женская Тип. Т-ва «Печ. станка», 1913. 95 с.
14. *Григорович А. И.* Пособие для составления полковых историй и устройства музеев. СПб.: Воен. тип., 1906. 156 с.
15. *Григорович А. И.* Участие кирасирского Военного Ордена полка войнах 1806–1807 гг. и Отечественной : памятка для нижних чинов. СПб.: Первая Жен. Тип. Т-ва «Печ. станка», 1912. 40 с.
16. *Дандевиль М. В.* Столетие 5-го Лейб-драгунского Курляндского императора Александра III-го полка: история полка. СПб.: тип. «Бережливость», 1903. 390 с.
17. Дело чести. Быт русских офицеров / сост. В. Богданова. М.: Родина, 2018. 494 с.
18. *Дембинский Г.* Потешные // Военный Сборник. 1874. № 9.
19. *Епанчин Н. А.* Освободительная война 1877–1878 гг. СПб.: типо-лит. В. В. Комарова, 1902. 28 с.
20. *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский, 1904 – 1983 гг.: статьи, публикации и воспоминания о нем. М.: РОССПЭН, 1998. С. 24–69.
21. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. 351 с.
22. К бородинскому юбилею // Петербургская газета. 1912. 5 авг. (№ 213).
23. *Кочуков С. А.* «За братьев-славян». Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 298 с.
24. *Лапин В. В.* 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года и политическая борьба (по материалам российских газет) // Россия в XIX – XX вв. : сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб.: Дм. Буланин, 1998. С. 159–165.
25. *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807 – 1814 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 677 с.
26. *Лизогуб А. С.* Императорское Русское военно-историческое общество и формирование исторической памяти о военных событиях в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 2. С. 5–15.
27. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.

28. *Миркович М. Ф.* Обзор событий перед войной 1877 – 78 года. СПб.: тип. В. В. Комарова, 1888. 15 с.
29. Могилы героев 12 года // Вечернее время. 1912. 17 июня (№ 129).
30. ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 1070. Отд. 3. Т. 1 (Сведения, полученные от уездных воинских начальников. Петроград, 1915).
31. ОР РНБ. Ф. 1070. Отд. 3. Т. 3.
32. *Пестриков Н. С.* История лейб-гвардии Московского полка. Т. 1–2. СПб.: Лештук. паровая скоропеч. П. О. Яблонского, [1903 – 1904].
33. *Пирожников А. И.* История 10-го Пехотного Новоингерманландского полка. Тула: Электропеч. и тип. И. Д. Фортунатова насл., 1913. 426 с.
34. *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России: 1905 – 1917 гг. М.: Наука, 1990. 381 с.
35. *Ракинт В. А.* Исторический очерк столетней службы и быта гренадерских сапер и их предшественников-пионер, 1797 – 1897. СПб.: Тип. и литограф. В. А. Тиханова, 1898. [228] с.
36. Русс. Бородинское поле перед юбилеем // Московские ведомости. 1912. 21 авг. (№ 193).
37. *Рышков С. Д.* Очерки из истории 67-го пехотного Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка. СПб.: типо-лит. инж. М. С. Персона, 1896. 95 с.
38. *Сакс А.* Кавалерист-девица штабс-ротмистр Александр Андреевич Александров (Надежда Андреевна Дурова). СПб.: журн. «Вестн. рус. Конницы», 1912. 65 с.
39. *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России: (1900 – 1914 гг.). М.: [ИВИ РАН], 2001. 282 с.
40. *Соседко Ф. Д.* История 72-го Пехотного Тульского полка. 1769 – 1901 г. Варшава: тип. «Земледельч. газ.», 1901. 575 с.
41. *Спиридонова Т. П.* Музеи войсковых частей в дореволюционной России (становление и историко-культурное значение) : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.03 / Спиридонова Тамара Павловна. М., 2005. 292 с.
42. *Тальма А. О.* Лейб-гвардии Уланский его величества полк в кампанию 1877 – 1878 гг. Варшава: тип. Мед. газ., 1880. 160 с.
43. *Толстов В. Г.* Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска: 1696 – 1896. Екатеринодар: Тип. Кубанского Областного Правления, 1896. 44 с.
44. *Фомин А. Ю.* Российское офицерство и публичная политика: политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати (1906 – 1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1 / Фомин Антон Юрьевич. СПб., 2022. 244 с.
45. *Цимбаев К. Н.* Православная церковь и государственные юбилеи Императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42–51.
46. *Цимбаев К. Н.* Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.
47. *Штакельберг К. К.* Полтора века конной гвардии. 1739 – 1880. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 232 с.

References

1. ‘120 pamyatnikov na Borodinskom pole. (Beseda s khudozhnikom V. V. Mazurovskim)’ (120 Monuments on the Borodino field. (Conversation with the Artist V. V. Mazurovsky)) 1912, *Peterburgskaya gazeta*, 5 March, no. 63. (In Russ.)
2. *Andreyev, SN 1913, 3-ya konno-artilleriyskaya brigada. Pamyatka k stoletnemu yubileyu* (3rd Cavalry Artillery Brigade. Memo for the Centenary Anniversary), tip. t-va A. S. Suvorina – «Novoe vremya» publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. *Ashik, VA 1913, Pamyatniki i medali v pamyat boevykh podvigov russkoy armii v voynax 1812, 1813 i 1814 godov i v pamyat imperatora Aleksandra I: snimki pamyatnikov, medaley i gravyur* (Monuments and Medals Commemorating the Fighting Feats of the Russian Army in the Wars of 1812, 1813 and 1814 and in Memory of Emperor Alexander I: Pictures of Monuments, Medals and Engravings), Elektro-tip. N. Ya. Stoykovoy publ, St. Petersburg. (In Russ.)

4. Belovinskiy, LV 1988, 'Istorii polkov russkoy armii' (Histories of the Regiments of the Russian Army), *Voенно-istoricheskiy zhurnal* (Military Historical Journal), no. 12, pp. 88–90. (In Russ.)
5. Beskrovnyy, LG 1986, *Armiya i flot Rossii v nachale XX v. Ocherki voenno-ekonomicheskogo potentsiala* (Russia's Army and Navy in the Early 20th Century. Sketches of Military and Economic Potential), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Beskrovnyy, LG 1973, *Russkaya armiya i flot v XIX veke. Voенно-ekonomicheskiiy potentsial Rossii* (Russian Army and Navy in the 19th century. Russia's Military and Economic Potential), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
7. Borisnev, SV 2007, 'Deyatel'nost imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva v 1907 – 1917 gg.' (Activities of the Imperial Russian Military Historical Society in 1907 – 1917.), *Voенно-istoricheskiy zhurnal* (Military Historical Journal), no. 5, pp. 43–47. (In Russ.)
8. Valuyev, PA 1961, *Dnevnik P. A. Valuyeva ministra vnutrennikh del v dvukh tomakh 1865 – 1876*, (Diary of P. A. Valuyev, Minister of the Interior, in Two Volumes), vol. 2., Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
9. *Voенnyy entsiklopedicheskiy leksikon izdavaemyy obshchestvom voennykh i literatorov* (Military Encyclopaedic Lexicon published by the Society of Military and Literary Workers) 1857, vol. 1, tip. Shtaba voen. ucheb. Zavedenij publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* (GARF) (State Archive of the Russian Federation), fund 826, inventory 1, file 151. (In Russ.)
11. Grebenkin, IN 2015, *Dolg i vybor: russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914 – 1918 gg.* (Duty and Choice: The Russian Officer in the Years of World War and Revolution. 1914 – 1918.), AIRO-XXI publ, Moscow. (In Russ.)
12. Grebenkin, IN 2009, 'Rossiyskoye ofitserstvo i politicheskaya zhizn Rossii v nachale XX v.' (Russian officers and Russia's political life in the early 20th century), *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* (Journal "Tambov University Review. Series: Humanities"), no. 3, pp. 220–228. (In Russ.)
13. Grigorovich, AI 1913, 'Gvardejskiy korpus, grenaderskiye, pekhotnyye i strelkovyye chasti, dragunskiyе, ulanskiye, gusarskiye i kazachyi polka' (Guards Corps, grenadier, infantry and rifle units, dragoon, lancer, hussar and Cossack regiments), *Perechen istoriy i pamyatok voyskovykh chastey* (List of Histories and Memos of Troops), vol. 1, Izd. 2-e, dopolnennoe, Pervaya Zhenskaya Tip. T-va «Pech. stan'ka» publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Grigorovich, AI 1906, *Posobiye dlya sostavleniya polkovykh istoriy i ustroystva muzeyev* (Manual for the Compilation of Regimental Histories and Museum Arrangements), Voen. tip. publ, St. Petersburg. (In Russ.)
15. Grigorovich, AI 1912, *Uchastiye kirasirskogo Voyennogo Ordena polka voynakh 1806 – 1807 gg. i Otechestvennoy. Pamyatka dlya nizhnikh chinov* (Participation of the Cuirassier Military Order Regiment in the wars of 1806 – 1807 and the Patriotic War. Memo for Lower Ranks), Pervaya zhen. tip. t-va «Pech. stan'ka» publ, St. Petersburg. (In Russ.)
16. Dandevil, MV 1903, *Stoletiye 5-go Leyb-dragunskogo Kurlyandskogo imperatora Aleksandra III-go polka: Istoriya polka* (Centenary of the 5th Leib-Dragoon Regiment of Emperor Alexander III's Courland Regiment: History of the Regiment), Berezhlivost publ, St. Petersburg. (In Russ.)
17. *Delo chesti. Byt russkikh ofitserov* (A Matter of Honour. The Life of Russian Officers) 2018, Rodina publ, Moscow. (In Russ.)
18. Dembinskiy, G 1874, 'Poteshnyye' (The Funny Ones), *Voенnyy Sbornik* (Russian military scientific journal), no. 9. (In Russ.)
19. Yepanchin, NA 1902, *Osvoboditel'naya voyna 1877 – 1878 gg.* (War of Liberation 1877 – 1878), tipo-lit. V. V. Komarova publ, St. Petersburg. (In Russ.)
20. Zayonchkovskiy, PA 1998, 'Russkiy ofitser'skiy korpus nakanune Pervoy mirovoy voyny' (Russian Officer Corps on the eve of the First World War) in *P. A. Zayonchkovskiy, 1904 – 1983 gg.: statyi, publikatsii i vospominaniya o nyom* (P. A. Zayonchkovsky, 1904 – 1983: articles, publications and memoirs about him), ROSSPEN publ, Moscow, pp. 24–69. (In Russ.)

21. Zayonchkovskiy, PA 1973, *Samoderzhaviye i russkaya armiya na rubezhe XIX – XX stoletiy. 1881 – 1903* (The Autocracy and the Russian Army at the Turn of the 19th and 20th Centuries. 1881 – 1903), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
22. ‘K borodinskomu yubileyu’ (For the Borodino Anniversary) 1912, *Peterburgskaya gazeta*, 5 August, no. 213. (In Russ.)
23. Kochukov, SA 2012, «*Za bratyev-slavyan*». *Rusko-turetskaya voyna 1877 – 1878 gg. v vospriyatii obshchestva, vlasti i armii Rossiyskoy imperii* (“For the Slavic Brothers”. The Russo-Turkish War of 1877 – 1878 in the Perception of Society, Power and Army of the Russian Empire), Izd-vo Saratovskogo un-ta publ, Saratov. (In Russ.)
24. Lapin, VV 1998, ‘100-letniy yubiley Otechestvennoy voyny 1812 goda i politicheskaya borba (po materialam rossiyskikh gazet)’ (The 100th Anniversary of the Patriotic War of 1812 and Political Struggle (Based on Russian Newspapers)), *Rossiya v XIX – XX vv. Sbornik statey k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Rafaila Sholomovicha Ganelina* (Russia in the 19th-20th centuries. A collection of articles for the 70th anniversary of the birth of Rafail Sholomovich Ganelin), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg, pp. 159–165. (In Russ.)
25. Lieven, D 2012, *Rossiya protiv Napoleona: borba za Evropu, 1807 – 1814 gg.* (Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
26. Lizogub, AS 2024, ‘Imperatorskoye Russkoye voenno-istoricheskoye obshchestvo i formirovaniye istoricheskoy pamyati o voennykh sobyitiyakh v nachale XX veka’ (Imperial Russian Military Historical Society and the Formation of Historical Memory of Military Events in the Early 20th Century), *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki* (Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"), vol. 24, no 2, pp. 5–15. (In Russ.)
27. Lotman, YuM 1994, *Besedy o russkoy kulture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* (Talks about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Beginning of the 19th Centuries)), Iskusstvo -SPB publ, St. Petersburg. (In Russ.)
28. Mirkovich, MF 1888, *Obzor sobytiy pered voynoy 1877 – 78 goda* (A Review of Events Before the War of 1877 – 78), tip. V.V. Komarova publ, St. Petersburg. (In Russ.)
29. ‘Mogily geroeyv 12 goda’ (1812 Heroes Graves) 1912, *Vechnyye vremya*, 17 June, no. 129. (In Russ.)
30. ‘Svedeniya, poluchennyye ot uezdnykh voinskikh nachalnikov’ (Information received from county military chiefs) *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki (OR RNB)* (Manuscripts Department of the Russian National Library), fund 1070, inventory 3, vol. 1, Petrograd. 1915. (In Russ.)
31. *OR RNB*, fund 1070, inventory 3, vol. 3. (In Russ.)
32. Pestrikov, NS 1903 – 1904, *Istoriya leyb-gvardii Moskovskogo polka* (History of the Moscow Life Guards Regiment), vol. 1–2, Leshtuk. parovaya skoropech. P. O. Yablonskogo publ, St. Petersburg. (In Russ.)
33. Pirozhnikov, AI 1913, *Istoriya 10-go Pekhotnogo Novoingermanlandskogo polka* (History of the 10th Infantry New Germanland Regiment), Elektropech. i tip. I. D. Fortunatova nasl. publ, Tula. (In Russ.)
34. Polikarpov, VD 1990, *Voennaya kontrrevolyutsiya v Rossii: 1905 – 1917 gg.* (Military Counter-revolution in Russia: 1905 – 1917.), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
35. Rakint, VA 1898, *Istoricheskiy ocherk stoletney sluzhby i byta grenaderskikh saper i ix predshestvennikov-pioner, 1797 – 1897* (Historical Essay on the Centennial Service and Life of the Grenadier Sappers and their Pioneer Predecessors, 1797 – 1897.), Tip. i litogr. V. A. Tikhanova publ, St. Petersburg. (In Russ.)
36. ‘Russ. Borodinskoye pole pered yubileem’ (Borodino Field before the Anniversary) 1912, *Moskovskiye vedomosti* (Moscow News), 21 August, no. 193. (In Russ.)
37. Ryshkov, SD 1896, *Ocherki iz istorii 67-go pekhotnogo Tarutinskogo velikogo gertszoga Oldenburgskogo polka* (Essays from the History of the 67th Infantry Taruta Regiment of the Grand Duke of Oldenburg), tipo-lit. inzh. M. S. Persona publ, St. Petersburg. (In Russ.)
38. Saks, A 1912, ‘Kavalerist-devitsa shtabs-rotmistr Aleksandr Andreyevich Aleksandrov’ (Nadezhda Andreevna Durova) (Cavalry maiden Staff Trotmistress Alexander Andreyevich Alexandrov (Nadezhda Andreyevna Durova)), *Vestn. rus. Konnitsy*, publ, St. Petersburg. (In Russ.)

39. Sergeev, EYu 2001, «*Inaya zemlya, inoye nebo...*». *Zapad i voennaya elita Rossii: (1900 – 1914 gg.)* (“A Different Land, a Different Sky...”. *The West and Russia's Military Elite: (1900 – 1914).*), Moscow. (In Russ.)
40. Sosedko, FD 1901, *Istoriya 72-go Pekhotnogo Tul'skogo polka. 1769 – 1901 g.* (History of the 72nd Infantry Tula Regiment. 1769 – 1901 r.), tip. «Zemledelch. gaz.» publ, Varshava. (In Russ.)
41. Spiridonova, TP 2005, *Muzei vojskovykh chastey v dorevolucionnoy Rossii (stanovlenie i istoriko-kulturnoe znachenie)*», PhD thesis, Russian Institute of Cultural Studies, Moscow. (In Russ.)
42. Talma, AO 1880, *Leyb-gvardii Ulanskiy ego velichestva polk v kampaniyu 1877 – 1878 gg.* (His Majesty's Life Guards Ulansky Regiment in the campaign of 1877 – 1878), tip. Med. gaz. publ, Varshava. (In Russ.)
43. Tolstov, VG 1896, *Istoricheskaya khronika Khoperskogo polka Kubanskogo kazachego voyska: 1696 – 1896* (Historical Chronicle of the Koper Regiment of the Kuban Cossack Army: 1696 – 1896), Tip. Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya publ, Ekaterinodar. (In Russ.)
44. Fomin, AYU 2022, *Rossiyskoye ofitserstvo i publichnaya politika: politicheskiye vzglyady voennosluzhashchikh v otrazhenii voennoy pechati (1906–1914 gg.)*, PhD thesis, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. (In Russ.)
45. Tsimbaev, KN 2005, ‘*Pravoslavnaya tserkov i gosudarstvennyye yubilei Imperatorskoy Rossii*’ (The Orthodox Church and State Jubilees of Imperial Russia), *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 42–51. (In Russ.)
46. Tsimbaev, KN 2005, ‘*Fenomen yubileyemanii v rossiyskoy obshchestvennoy zhizni kontsa XIX – nachala XX veka*’ (The Phenomenon of Jubilee Mania in Russian Public Life of the Late 19th – Early 20th Century), *Voprosy istorii* (Questions of History), no. 11, pp. 98–108. (In Russ.)
47. Shtakelberg, KK 1881, *Poltora veka konnoy gardii. 1739 – 1880* (A Century and a Half of Horse Guards. 1739 – 1880), Tip. V. Demakova publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.09.2024
Одобрена после рецензирования: 20.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 09.09.2024
Approved after reviewing: 20.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024